

5 Попутные письма

Дорогой мой друг! Ты, ведущий оседлый образ жизни, много лет и всегда упрекавший меня в непоседливости, небось уже заждался привычных писем? Я знаю, ты любишь их читать после сытного обеда, похваливая своей коротенькой трубочкой. Ты, образцовый служащий и убежденный домосед, всегда попрекал меня за неуемное желание передвигаться; все видеть своими глазами, слышать своими ушами. А больше всего тебя удивляют мои поездки в те края, в которых я когда-то уже бывал. Да разве можно в наше время, да по нашей стране ездить «однажды»?!

★

Гостящий на Южном Урале композитор И. Держинский написал серию путевых очерков — «Попутные письма». В «Челябинском рабочем» будут опубликованы некоторые из этих очерков.

★

имые пейзажи Левитана... Разве ты в них, в этих живописных поэмах, не ощущаешь человека? Его настроение? Ну, так и не спорь.

На этот раз мой путь лежит на Восток. Вся страна следит — и очень внимательно! — за тем, что сейчас делается на Востоке. Десятки тысяч юношей и девушек по призыву партии устремляются туда, где свершаются поистине грандиозные дела!

А сколько специалистов моего поколения покинули навсегда свои насиженные места, благоустроенные квартиры и поехали помогать еще неоперившейся молодежи! Ну и как тут усидеть на месте и не побывать в тех краях, где творятся чудеса?

А сколько специалистов моего поколения покинули навсегда свои насиженные места, благоустроенные квартиры и поехали помогать еще неоперившейся молодежи! Ну и как тут усидеть на месте и не побывать в тех краях, где творятся чудеса?

Москва — Челябинск. Поезд скорый, в полном смысле слова, и без остановки до самой Рязани. Ехал, конечно, в мягком, как солидный человек. И весь вагон наполнен солидными товарищами, то есть людьми моего и старше возраста.

Говорили о том, о сем... Поглядывали в окна, курили. Любовались среднерусскими пейзажами и опять коротали время за вялыми разговорами. Все было обычно и... довольно скучно. Но вот в другом конце вагона послышался восторженный голос. Кто-то пояснил причину своего долгого отсутствия: был в постях в общем вагоне.

— В буфете? — спрашивали его со смехом соседи.

— Буфета и в составе-то нет. Там едет молодежь на целину и новостройки! Вот дают жизни! И ног и пляшут, и так здорово смеются!

римые пейзажи Левитана... Разве ты в них, в этих живописных поэмах, не ощущаешь человека? Его настроение? Ну, так и не спорь.

На этот раз мой путь лежит на Восток. Вся страна следит — и очень внимательно! — за тем, что сейчас делается на Востоке. Десятки тысяч юношей и девушек по призыву партии устремляются туда, где свершаются поистине грандиозные дела!

А сколько специалистов моего поколения покинули навсегда навсегда свои насиженные места, благоустроенные квартиры и поехали помогать еще неоперившейся молодежи! Ну и как тут усидеть на месте и не побывать в тех краях, где творятся чудеса?

А сколько специалистов моего поколения покинули навсегда навсегда свои насиженные места, благоустроенные квартиры и поехали помогать еще неоперившейся молодежи! Ну и как тут усидеть на месте и не побывать в тех краях, где творятся чудеса?

Говорили о том, о сем... Поглядывали в окна, курили. Любовались среднерусскими пейзажами и опять коротали время за вялыми разговорами. Все было обычно и... довольно скучно. Но вот в другом конце вагона послышался восторженный голос. Кто-то пояснил причину своего долгого отсутствия: был в постях в общем вагоне.

— В буфете? — спрашивали его со смехом соседи.

— Буфета и в составе-то нет. Там едет молодежь на целину и новостройки! Вот дают жизни! И ног и пляшут, и так здорово смеются!

— Наверно, подвыпили, вот и пляшут, — вставил реплику мрачный голос.

— В том-то и дело, что нет! — продолжал восторженный. — Я сам сначала так подумал. Нет, и пляшут и поют так просто, от молодости. Прямо уходить не хотелось.

Наступила какая-то пауза во всем вагоне. Солидные люди задумались — почему-то вот здесь никто не поет, не пляшет!.. И зачастили обитатели мягкого вагона к молодежи... И кто бы ни возвращался обратно, обязательно улыбался как-то тепло и молодо... Конечно, побывал там и я. Вот пришел оттуда мой сосед — видный партийный работник из Уфы. Сел, с удовольствием крикнул, потерев ладонями руц о колени, и взволнованно проговорил:

— Да... вот для них-то ничего не жалко! Вот посмотришь на них и подумаешь невольно: не зря, не зря мы жизнь-то прожили! Трудную жизнь, что говорить, а не зря!..

И все мы, его соседи, молча смотрели на растроганного уфимца и всем сердцем его понимали.

Вот, мой друг, и даже этот, казалось, ничем не примечательный эпизод, наполнил мое сердце музыканта чем-то неизъяснимо хорошим, нужным...

Ну, слушай дальше. Пейзажи сменялись один за другим, как в твоём любимом кино. Характер природы заметно менялся. Появились холмы, пригорки. Потом поезд карабкался по Уральскому хребту. Где-то тут должен быть столб с двусторонней надписью: «Европа—Азия». Я помню, какое магическое действие оказывал этот столб на меня в юности. Я как бы въезжал в другую страну, ту «забытую Азию», которую некогда еще гимназистом собирался «открыть» Михаил Пришвин. И вот на самой границе этой Азии, как в

сказке, среди гор выступает Златоуст, окутанный туманом из мартовских цехов, являя собой грандиозное зрелище тяжелой индустрии, гордости нашей тяжелой промышленности. А дальше идет правильная гряда многоэтажных жилых домов, таких же как в Москве, Ленинграде и... в Азии!

Нет, брат, видимо, нет у нас уже той сказочной Азии, которая грезила иным гимназистам.

И надо еще добавить, что за пограничным столбом «Европа—Азия» наш поезд без не паровоз, а электровагон. Сияя исключительной чистотой (ни пылинки!), он мчал наш поезд на Челябинск.

Долго въезжали в город. Долго, потому что очень уж Челябинск стал большой. Бывшая «Челяба» (большая деревня, как этот город называли до революции) теперь раскинулась вокруг на 50 километров. Мощный индустриальный красавец — город Челябинск приблизился нам навстречу.

В шести его районах есть Дворцы культуры, клубы, кино, библиотеки... Правда, многоэтажные дома еще часто перемежаются с группами маленьких деревянных домов. Как будто на диаграмме: что было и что есть! Но во всем облике города чувствуется и не только то, что есть, но и что вскоре будет. Отовсюду видны строительные краны. Уже готовые вчерне дома вот-вот снимут с себя строительную «паранджу» лесов. А сколько заготовленных строительных плиток исчезнет таких вот деревянных избушек и сколько на их месте возникнет благоустроенных домов! Да вот тебе яркий пример (и он мне особенно по душе!): это здание Челябинского театра оперы и балета.

Не буду загадывать, каким будет этот театр по своим художественным качествам... Да и не сразу делается такое большое дело... Но сейчас он уже имеет свою маленькую, но яркую историю. Во-первых, здание. Вы-

держанное в строгих тонах «русско-ампира» оно величественно высятся на площади, на берегу реки Миасс. Строительство театра велось еще до начала Великой Отечественной войны. Почти законченное в 1941 году, это театральное здание сразу же ветушило в число объектов, работающих для фронта. Только не по прямой линии. В помещениях театра разместились цехи Московского завода «Калибр»... Но все это в прошлом. Сейчас театр готов и достойно украшает Челябинск.

Во-вторых, — это создание творческого коллектива театра. Здесь все молодежь и молодежь! Со всего Советского Союза съехалась поросль молодых певцов. Конечно, не обошлось дело без ленинградцев... Где только не ветринули представительницы нашего славного города! А хор? И как же приятно видеть (да и слушать!) молодой хоровой коллектив челябинской оперы, сплошь составленный из отобранных по конкурсу голосистых ребят и девчат художественной самодеятельности Челябинска и области.

Впрочем, о спектаклях этого театра я напишу после того, как посмотрю их.

Открытием Челябинского театра завершается третий десяток существующих у нас оперных театров.

Правда, ты мне можешь припомнить мой разговор с композитором В. Добняном, который я вел с ним, будучи в Чехословакии. Действительно, в той беседе он мне сообщил, что у них в стране на 12 миллионов жителей имеется 12 постоянных оперных театров... Но не забывай, мой друг, какое наследство получили мы от прошлого. Нашему советскому государству еще не исполнилось 40 лет. Мы с тобой прекрасно знаем всю историю нашего молодого общества, так как мы прошли все этапы его развития. Трудная, но славная эта история! Вот почему такое культурное событие, как открытие нового оперного театра в ра-

бочем городе Челябинске наполняет мое сердце гордостью за нашу советскую культуру.

Конечно, побывал я и во многих, как ты любишь называть, очагах культуры. Прежде всего радуется, что в городе немало кинотеатров, построенных вновь, и они образцово обслуживаются. Кроме того, здесь есть драматический театр и городской сад, в самом центре города — на манер «Эрмитажа» в Москве или «Сада отдыха» в Ленинграде. Гордостью же местных жителей является Центральный парк культуры и отдыха! Но о нем позже.

В этом письме я коснусь лишь деятельности городского сада имени Пушкина. Вот, к примеру, идет лекция на открытой эстраде. Тема ее весьма серьезная и обширная: «Возникновение и развитие западно-европейской оперы».

Для начала молодой музыковед храбро и довольно популярно рассказал о возникновении оперы вообще. Потом пошло несколько хуже. Лектор явно начал «растекаться по древу». Итальянская, французская, немецкая опера... Ее создатели, их биографии, содержание либретто... Специальные музыкальные термины посыпались как из рога изобилия... По мере перехода лектора из эпохи в эпоху сменялась и немногочисленная аудитория. Только я, да несколько упорных «болельщиков» высидели около двух часов, проносясь вместе с лектором «галопом по Европам»... Да еще... ласточки (ухитрились свить себе гнезда в электрических софитах) планомерно носили пищу своим птенцам... Они не обращали внимания ни на лектора, ни на его слушателей.

Незадолго до конца «путешествия по эпохам» на одной из пустых лавочек появилась группа забулдыг весьма обычного типа. Они, видимо, хотели немного «поразвлечься», будучи изрядно под хмельком. Искusstвенно выставляя улыбку на своих и так малоосмысленных лицах,

они быстро перевели все внимание на себя, подчеркнуто громко разговаривая между собой. Их, правда, скоро выставили... Но характерно, что единственный из присутствующих на лекции, кто совершенно не обратил внимания на неуместное вторжение забулдыг, это был... сам лектор! Он бодро-нудно, без единой паузы продолжал свою лекцию, усердно заглядывая в объемистую тетрадь, выуживая оттуда всевозможный энциклопедический «лом». Даты первых представлений давно забытых опер, имена покровителей композиторов — королей, герцогов, принцев... Все это произносилось впусую, так сказать, для ласточек. По ходу действия лекция иллюстрировалась исполнением музыки Бизе, Моцарта, Россини и других. В классическую музыку активно подключалась танцплощадка. Гремел пронзительный звонок, призывающий в кинозал. Тут же невдалеке лихо «наяривал» доморощенный джаз под родственный звон кружек и стаканов... И все это одновременно, а главное — на очень близком расстоянии друг от друга. Все это создавало ощущение какой-то бесшабашной, стихийной ярмарки, а не организованного комплекса культурных увлечений. Видимо, работа здесь строится по принципу: проведено столько-то. А вот толку сколько же? — это, очевидно, не учитывается.

Ты, мой друг, уже наверно улыбаешься и думаешь: мол, стоило ли так далеко ехать, чтобы увидеть то, что можно узреть и совсем близко... Успокойся, я не собираюсь долго останавливать твоё внимание на такого рода неполадках в бытовой культуре многих наших, а не только уральских городов. Это дело писателей-фельетонистов, а не мое... Хотя как знать? Дело-то общее, нужное!

Но повторяю, что я отнюдь не сатирик, и в дальнейшем поведаю тебе о вещах иного плана.

И. ДЕРЖИНСКИЙ.
г. ЧЕЛЯБИНСК.

7 О К Т 1956

ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАБОЧИЙ г. Челябинск